

ва, «съ точки зрѣнія подлинной Христовой Церкви, всѣ нигула, негодны». А отсюда дѣлается такой выводъ, что «для церкви никакой изъ существующихъ государственныхъ строевъ не есть законченный, неизмѣнно-отлитый и *неприкосновенный*» — Въ этомъ полнота какъ религіозныхъ, такъ и политическихъ убѣжденій Гр. Петрова; сущность-же этихъ убѣжденій въ томъ, что для церкви нѣтъ *неприкосновенныхъ* государственныхъ строевъ, и со всякимъ изъ этихъ строевъ церковь можетъ, слѣдовательно, вступать въ борьбу; всѣ они негодны, враждебны, а потому и ненавистны, конечно; ненавистнѣе же всѣхъ нашъ самодержавный строй, негоднѣйшій изъ всѣхъ, и не только поддерживать, а лишь не становится на сторону борющихся съ этимъ строемъ — величайшее нечестіе со стороны церкви и ея служителей, измѣна задачамъ церкви, правдѣ Христовой. — Нужно-ли говорить, насколько эти убѣжденія Гр. Петрова согласны съ ученіемъ Христа и его апостоловъ, на сколько они приемлемы «съ точки зрѣнія *подлинной* Христовой церкви», какъ выражается Гр. Петрова.

Обвиненія начинаются заявленіемъ, что у насъ «и послѣ 19 вѣковъ проповѣди Евангелія въ лучшемъ случаѣ были и есть отдѣльные христіане, исключительныя личности, но нѣтъ христіанства. Нѣтъ христіанскаго законодательства. Нѣтъ христіански-правовыхъ бытовыхъ нормъ. Нѣтъ христіанскаго образа правленія. Нѣтъ ни христіанскаго общества, ни христіанскаго государства.» Но — государство и правленіе, нормы и законодательство, всѣ эти слова выражаютъ, — въ сущности, — одни и тѣже понятія. Для чего же все это нанизано? Не для красоты ли слога, не для большей-ли убѣдительности?!.. Для кого-же однако эта фразеологія можетъ быть убѣдительна? Не для тѣхъ ли, которые не думаютъ о томъ, что читаютъ, которые воспринимаетъ прочитанное не мыслью, а лишь чувствомъ, нервами? Если же отдать себѣ отчетъ въ этой фразеологіи, то и окажется, что если-бы мы всѣ были истинными христіанами, всѣ въ разумъ истины пришли, всѣ сдѣлались-бы совершеннолѣтними, пришли въ мѣру возраста Христова, то никакого государства, никакого правленія, нормъ и закона намъ и не надо было-бы, такъ какъ государство, правленіе, власть, какъ и законъ, не имѣютъ другого средства заставить исполнять свои велѣнія кромѣ силы, принужденія; христіанство-же никакого насилія допустить не можетъ, а потому выраженія — *христіанское* государство, *христіанскій* образъ правленія, *христіански* правовыя нормы, *христіанское* законодательство, — всѣ эти выраженія въ самихъ себѣ заключаютъ противорѣчіе. Христіане уже не подъ закономъ, а подъ благодатью (Римл. VI, 14), христіане умерли для закона Тѣломъ Христовымъ; умерши для закона, которымъ были связаны, христіане освободились отъ него, чтобы *служить Богу* (Римл. VII, 4, 6) Государствованіе, управленіе нужно лишь тѣмъ, которые сами государство — вать, управлять собою не могутъ, а не христіанамъ истиннымъ, пришедшимъ въ мѣру возраста Христова; благодать устраняетъ необходимость какихъ-бы то ни было правовыхъ нормъ, законовъ, образа правленія; пока же остается необходимость въ государствованіи, въ управленіи, въ установленіи нормъ и законовъ, пока мы остаемся такими, что дѣлаемъ, по слову апостола, не доброе, которое хотимъ, а злое, котораго не хотимъ, до